

Реминисценция, парафраза, цитация: о принципах использования источников в московской полемической литературе XVI века

Николетта Марчалис (Римский Университет “Tor Vergata”)

В 1570 г. между царем Иваном Грозным и протестантским пастором Яном Рокитой, прибывшим в Москву в составе польско-литовского посольства, произошел религиозный диспут в виде обмена текстами – *Исповедь* Рокиты, с одной стороны, и *Ответ* царя пастору, с другой.

Объемный памфлет царя включает в себя краткое введение (с. А5-А7)¹, два слова (с. А8-А13), двенадцать статей (с. А13-А163) и заключительный отрывок, не имеющий заголовка (с. А163-А164).

Грозный строит свой памфлет, ни на минуту не упуская из внимания *Исповедь* Рокиты: существовавшая в дипломатической переписке – как и в эпистолографии вообще – практика широко цитировать в ответе те элементы чужого текста, на которые давался отзыв, является основополагающим принципом построения и развертывания *Ответа* царя протестантскому пастору. Это построение создает основу, на которую накладывается повторение и переплетение общих для православной полемики мест, ссылок на ограниченный корпус *auctoritates*.

Цель нашего доклада – проанализировать источники Грозного и стратегии манипуляции ими употребляемые царем.

Для того, чтобы анализировать источники, использованные Иваном Грозным при создании *Ответа*, следует провести четкое разграничение между уровнем речи и уровнем текста. Язык Евангелия, Деяний Апостолов, Псалтыри или богослужения составляет неисчерпаемую сокровищницу метафор и сравнений. Использование этой сокровищницы Грозным является ‘фактом языка’ и не предполагает его обращения к конкретному источнику для подтверждения собственного тезиса. Иная ситуация складывается тогда, когда цитирование воспринимается как ‘факт текста’: здесь авторитет источника может оказаться важнее, чем уместность приводимого в нем аргумента.

Среди источников *Ответа* главное место занимает Священное Писание, с абсолютным преобладанием Евангелия и Апостола. Писание цитируется дословно и с отсылкой к источнику: “яко же рече избранный сосудь апостоль Павелъ”; “и паки тои же божественный апостоль Павелъ къ Титу пиша глаголетъ”; “и избранный сосудь апостоль Павелъ х Коринфомъ в

¹ *Исповедь* Рокиты и *Ответ* царя см. в Марчалис 2008. В дальнейшем ссылки на *Ответ* даются с учетом его отдельной пагинации, от А5 до А164.

первомъ своем послании глаголетъ; “яко же во Иванне реченно есть; “нас же громов сын научи”; “богословець бо глаголетъ”; “в Марку же глаголетъ Господь”; “яко же рече божественный апостоль Петръ в послании”, и т.д.. Гораздо реже встречаются отсылки к Ветхому Завету, к пророкам и к Псалтыри: “яко же рече Исаия пророк”; “яко же рече пророкъ Давидъ”.

Такой характер использования свойствен еще лишь одному типу текстов – гимнографии. Как и псалмы, которые цитируются по поводу постов (с. А87) и иконоборчества (с. А115-А116, с. А117-А118), гимнография цитируется в *Статье второй на десять* с указанием источника: “яко же и во стисѣх пишет на рождество Господа нашего Исуса Христа”; “и паки въ воскресных стисѣх глаголетъ”:

с. А103-А104

яко же и во стисѣх пишет на рождество
Господа нашего Исуса Христа:
приидѣте возрадуемся господеву
настоящую тайну исповѣдающе
срѣдоградия стены разорися
и пламенное оружие плещи дает ми
и херувимъ отступает от древа жизни
и яз райския пища причащаюс
от негоже изгнан бых ослушания ради

ибо неизмѣнныи образ отеч
образ подобия присносуция его
образ рабии приемлет
из неискусобрачныя матере изшед
непреложение прият
иже бо бѣ пребысть
богъ сын истинен
и иж не бѣ приятъ
человекъ быв человеколюбия ради

с. А104-А105

и паки въ воскресных стисѣх глаголетъ:
животворящему твоему крту без
престани кланяющесе хе . и тридневное
твое воскресие славимъ тѣми бо
обнови ислѣвшее члвческое естество
всесилне нбный возходо обновило есть
нам . яко единъ блгъ и чл(в)колюбець

Стихиры на Рождество Христово²

Приидите возрадуемся Господеву,
Настоящую тайну сказующе:
Средостение градежа разрушися,
Пламенное оружие плещи дает,
И херувим отступает от древа жизни
И аз райския пища причащаюся,
От негоже произгнан бых
преслушания ради.

Неизменный бо образ Отець,
Образ присносуция Его,
Зрак раба приемлет,
От неискусобрачныя Матере прошед,
Не преложение претерпев:
Еже бо бе, пребысть,
Бог сый истинен:
И еже не бе прият,
Человекъ быв человеколюбия ради

Стихиры Воскресни³

животворящему твоему крту непре-
станно кланяющесе хе. и тридневное
твое воскресие славимъ тѣмъ бо
обновили еси ислѣвшее члвческое
естество всесилне и еже на нбса
восходъ обновили еси яко единъ блгъ и
чл(в)колюбець

² *Служебные минеи на декабрь*, Служба на Рождество Христово, 1-ая стихира.

³ *Октаи*, Москва 1649, глас Д, въ субботу вечеръ на малѣи вечерни.

Как уже говорилось, указание на источник отсутствует, когда приводимые выражения берутся из фрагмента текста, который сам по себе не нужен для обоснования того аргумента, который царь в данный момент рассматривает: так, в отрывке “яко пси имуще житие и своим лаяниемъ и злобою внутренняго человека растеръзающимъ, яко же свиния в калѣ тимѣннѣя валяющися и во сквернахъ пребывающи. Сего ради не подобаетъ бисерняго слова предъ ними просыпати, да не токмо слово попирають, но и самого учащего растерзаютъ” (с. А5-А6) используются образы и выражения из двух источников (II Петр 2:22 и Матфей 7:6). Но если второй несколькими строками выше был введен словами: “яко учими есми Господем Нашим Исусом Христом еже...”, то о первом никак не упоминается. Действительно, к Матфею Грозный обратился, чтобы показать, что вести дискуссию с Рокитой царю не должно. Послание же Петра посвящено теме, которая не связана непосредственно с тем, о чем идет речь в данном пассаже (о тех, кто, узнав путь истинный, вновь отдаляется от него).

Так же в отрывке “яко онагръ не веруеши . и яко аспид глухий затыкая уши свои и не слышишь гласа истинне обавающаго тя” (с. А105) отсутствующее указание на псалом 57 объясняется несоответствием темы псалма (противопоставление несправедливого суда человеческого и упоминаемого в Псалтири справедливого суда, который Бог творит на земле) тем рассуждениям о Христе-искупителе, которые Грозный приводит в одиннадцатой главе.

Точно так же страницы, посвященные заступничеству святых, пронизаны реминисценциями из гимнографической литературы, но царь не называет ни одного источника, да он бы и не мог этого сделать, учитывая, как часто избранные им выражения используются в богослужении (ср. *Служба пресвятей Владычице нашей Богородице, в честь и память явления чудотворныхъ иконъ ея, неопалимыя купины*: “яко огонь Божества неопалимо в ложеснахъ твоихъ вместила еси [...] к немуже дерзновение матернее имущи”; *Акафист пречистой Богородице*: “радуйся, разрешение клятвы”, и т.д.).

Иначе, чем библейские и гимнографические источники, использует Грозный источники святоотческие, агиографические и исторические. В данном случае приходится задаться вопросом, насколько здесь уместно употреблять слово ‘источник’; не разумнее было бы говорить о ‘круге чтения’ в самом широком смысле этого выражения, о реминисценциях и об усвоении языковых средств, присущих определенному жанру.

Существует обширная литература об открытой традиции в применении к православному славянскому миру. Куски текстов переходят из одного произведения в другое, оказываясь в разных контекстах и переосмысляясь по воле *scriba Dei* (‘писца Господа’), который не считает чужие слова собственностью того, кто их написал, и себя не чувствует автором в том смысле, какой мы сейчас вкладываем в это слово. В одном из слов Максима Грека (начало: “Рече Богъ к Моисею: не сотвориши себѣ всякова подобия; а не рече Богъ: да не сотвориши никоего подобия”) широко использу-

ется шестая глава *Просветителя* Иосифа Волоцкого, но никто из-за этого не обвинил и ныне не обвиняет ученого грека в плагиате.

Тем не менее, анализ полемических сочинений показывает, что такое широкое использование чужого текста не было нормой; при этом цитирование не было делом чисто механическим. В текстах, наряду с цитацией, появляются парафразы и переложения, заимствованные фрагменты активно включаются в контекст с помощью различных приемов преобразования чужого текста (сокращения, дополнения, перефразировки). Выбор этих приемов зависит как от характера источника, так и от намерений пишущего: цитата (тем более при отсутствии упоминания, откуда она взята) должна была подтверждать аргументы автора, даже если для достижения этой цели приходилось видоизменять ее формулировку.

Интересный обзор таких приемов дан С. Вилинским в главе, посвященной источникам посланий старца Артемия (Вилинский 1906: 155-281):

характерно то, что, черпая иногда значительные по объему цитаты из Исаака Сирина, Артемий почти нигде его не называет; между тем других авторов, напр., Василия Великого, именует довольно часто. Дело, может быть, объясняется тем, что сочинения Исаака Сирина были слишком хорошо знакомы Артемию, он читался в них в такой степени, что стал мыслить выражениями преп. Исаака, и, конечно, не видел нужды в том, чтобы всякий раз указывать, кого он цитует, особенно если и цитата не всегда бывала дословной [с. 262].

Постническая книга св. Василия Великого неоднократно упоминается Артемием, при чем по большей части он называет имя автора ея и делает ссылку на ту или иную главу ея, иногда даже не приводя цитаты [с. 263].

Старец Артемий, как видно из предыдущаго изложения, пользовался в значительной степени Богословием Дамаскина [...] когда Будный резко отозвался о последнем, Артемий упрекает его в бездоказательности суждения и замечает об Иоанне Дамаскине: “аще бо и едино от святых богословных его сложении принесем, абие заградит уста еретик!”. Но, кроме этого упоминания да еще другого на ст. 1284, Артемий нигде больше не упоминает об этом главном своем источнике в вопросах православнаго вероучения: явление, аналогичное тому, которое мы видели и по отношению к Исааку Сирину. Не та же ли и причина? [с. 266-267].

[Артемий] обыкновенно называет Дионисия Ареопагита источником цитаты и цитует [...] довольно близко к тексту творений, отчасти, может быть, уже потому, что сама архаичность речи перевода Исаии с трудом допускала перефразировку такую, где бы не изменились оттенки мысли, которую тоже не всегда легко было понять [с. 268].

Многочисленные примеры, подобранные Вилинским, показывают, что не все *auctoritates* использовались одинаково и не все тексты преобразовывались одним и тем же способом. В целом, можно выделить четыре приема цитации: а) текст цитируется дословно, и источник указывается; б)

текст цитируется дословно, но источник не указывается; с) текст изменен, и источник указан; d) текст изменен, но источник не указан:

	Текст процитирован дословно	Текст изменен
Источник указан	a	c
Источник не указан	b	d

Первые два типа (a и b) обычно соотносятся с особо сложными (с точки зрения построения и языка) текстами: тот, кто за них берется, не притязает на то, чтобы переложить их по своему разуму, и предпочитает вставить в написанное им кусок чужого текста, не внося изменений. В этих случаях указание имени автора служит для подтверждения авторитетности источника. Источник остается не указанным там, где на первый план нужно выдвинуть не столько само цитируемое сочинение, сколько силу аргументации как таковую, когда сами по себе приводимые доводы полностью усвоены и воспринимаются пишущим как свои собственные.

Третий тип (с: перефразировка) является вариантом первого: текст приводится 'в кавычках', но его могут упростить и приблизить, с точки зрения лексики и семантики, к окружающему контексту. Вот пример, приведенный Вилинским, где отрывок из Максима Исповедника цитируется Артемием в одном из его посланий, посвященных антилютеровской полемике (Вилинский 1906: 276).

Послания Артемия 1878: 1353

Максим Исповедник, Синод. 644,
XIV-XV вв., л. 1об.

Якоже и Максимъ великий исповѣдникъ глаголетъ: аще лучши тѣла душа, лучше же мира несусѣдне създавый его Богъ. Тѣмже предпочитая и паче душа тѣло, и паче Бога созданнаго его мира, ничимже идолослужитель разно есть, якоже Еллини идоло-почитающии инья творять събѣ боги

да аще тѣла лоучыше дша и лучши мира несказаннѣ стяжавый его бгъ. иже чтить паче дша тѣло и паче бга созданую от него тварь. ничимъ же идоло-служитель разно есть

К четвертому и последнему типу относятся, в основном, тексты двух категорий: 1) тексты авторов-современников писавшего и 2) фрагменты, используемые в богослужении, а потому известные каждому. В отличие от того, что происходит сегодня, жертвами плагиата (в нынешнем смысле этого слова) становились как раз живые авторы, или те, с которыми ознакомились (или могли бы ознакомиться) при их жизни. Интересный пример подобного обращения с источником приводит В.В. Калугин, который сопоставил фрагмент из Максима Грека, взятый из *Второго слова на боготорца пса Моамефа*, и отрывок *Второго послания Муромцеву* князя Курб-

ского (Калугин 1998: 28). В результате процесса перефразировки⁴ степень близости источника и заимствующего из него текста может колебаться от полной тождественности до слабой реминесценции, так что исследователи иногда приходят к противоположным выводам по поводу форм зависимости одного текста от другого: Ф. Калугин, показав, что Зиновий Отенский постоянно обращается к сочинениям корифеев богословия (особенно, к Василию Великому, Григорию Назианзину и Иоанну Златоусту, но также к Григорию Нисскому, Дионисию Ареопажиту, Кириллу Александрийскому, Иоанну Лествичнику, Иоанну Дамаскину), в заключение оспаривает возможность говорить об использовании Зиновием *Просветителя*:

...указывают на зависимость Зиновия от “Просветителя”. Детальное сравнение обеих книг привело нас к выводу противоположному; можно указать не более 2-3 мест, которые говорят о близком сходстве в мыслях этих писателей, но от этого далеко до заимствований; одинаковый источник мог породить сходство в мыслях, и Зиновий в этих случаях умел сохранить свою индивидуальную самостоятельность (Калугин 1894: 275).

Точно также и Вилинский отмечает, что при всей несомненной общности идей, связывающей Артемия с Вассианом Патрикеевым и Максимом Греком, на уровне текста нет никаких совпадений, подтверждающих его знание сочинений этих авторов, которых Артемий не называет и ни разу дословно не цитирует. Тот же Артемий до такой степени усвоил идеи Нила, что иногда выражает их словами Нила (Вилинский 1906: 271-272). В частности, Артемий не раз обращается к мысли Нила о ложных писаниях:

а еже испытуети: како не заблудити отъ истинаго пути? И о семь съвѣтъ благъ даю тобѣ: свѣж себе законы божественныхъ писаний, и послѣдуй темъ, писаниемъ же истиннымъ и божественнымъ. Писания бо многа суть, но не вся божественна. Ты же истинная извѣстне испытавъ отъ чтений сихъ и бесѣдь духовныхъ и разумныхъ мужей. Понеже не вси, но разумнии разумѣвають (*Послания Артемия* 1878: 1405-1406).

Подобное же обращение с текстом, выражающее полное восприятие чужого как собственного, может относиться и к авторам, пользовавшимся большим авторитетом, сочинения которых употреблялись в богослуже-

⁴ В.В. Калугин пишет о переосмыслении, противопоставляя Курбского переписчику, ограничивавшемуся только копированием (нам кажется, что выявить такой тип переписчика довольно сложно): “Курбский не средневековый компилятор, механически переписывавший фрагменты чужого произведения. Он не просто заимствовал понравившиеся ему отрывки, а переосмыслил их в соответствии со своим идейным и художественным замыслом, используя самое главное – модель риторической организации текста” (Калугин 1998: 28). На самом деле Курбский не изменяет смысл речи Максима, но он разделяет мысли ученого грека, и они становятся его собственными.

нии и легко понимались благодаря изначально присущей им ясности изложения и их широкой известности в православной традиции. Эти тексты были так хорошо знакомы читателям и слушателям, что особых указаний при них не требовалось. Так же использовались известные каждому отрывки, вошедшие в общее наследие и утратившие связь с определенным источником. Пример такой ситуации приводит Ф. Калугин в подтверждение того, “насколько некоторые фразы сделались шаблонными” (Калугин 1894, “Приложение”: 12):

<i>Истины показание</i> (Зиновий 1863: 80-81)	<i>Просветитель</i> (Иосиф Волоцкий 1857: 85)	<i>Шестоднев</i> (Баранкова 1998: 448)
... ангель святыхъ тмы тмами и тысяща тысящами... егда сотворяше Богъ вся сия, не рекоша книги, яко рече Богъ о нихъ: сотворим (с. 81) ... Внегда же малъ животь восхогѣ создати челоуѣка, тогда совѣта потребова Богъ... (с. 80)	Егда убо сътвори тмы тмами Ангелы и тысяща тысящами Архаггелъ, не потребова съвѣтника. единогоже хотя сътворити челоуѣка хоуда мала, съвѣтника потребова аггела	толико множество ангель творя, не требоваше съвѣтника, ни дѣющаго съ нимъ, то единъ творя бернень челоуѣкъ съвѣта ли требуетъ ... (л. 196)

Что же касается полемических сочинений, то очевидно, что преобладание в них последнего типа соотношения текстов тем более вероятно, чем известнее и распространеннее темы и аргументы, к которым обращаются авторы. Так, если мы посмотрим на антииконоборческие сочинения XVI в., обращенные как против жидовствующих, так и против рационалистов и вольнодумцев (таких как Матвей Башкин или Феодосий Косой) и ‘лютеран’ (как именовали на Руси всех протестантов в целом), то перефразировка встречается постоянно, всплывают одни и те же библейские цитаты, одинаково выстраивается логика аргументации, приводятся одни и те же примеры, постоянно апеллируют к Василию Великому, Иоанну Златоусту, Иоанну Дамаскину, все используют одни и те же формулы, но тексты парафраз никогда не совпадают в точности. Вот некоторые примеры, взятые из *Ответа* Ивана Грозного и из более или менее современных ему сочинений. Все эти отрывки можно возвести к Иоанну Дамаскину:

Иоанна мниха и презвитера Даманскинскаго слово [...] писано же к царю Константину Копрониму и на вся иконоборцы: “кoему убо идолу кланяюся, рцы ми. Аполону ли, паче же погибшему, или образу Господа нашего Исуса Христа, учащему мя плотьскому его смотрению. Рцы ми по иудеохъ мудръствуяи, коему идолу кланяюся, Артемидину ли, или образу Пречистыя Владичицей нашеи Богородицы, и приснодевы Марии, матере Господа нашего Исуса Христа. Рцы ми еретиче, коему идолу кланяюся, Дию ли, или образу святаго Иоанна Предтечи и Крестителя. Киимъ идоло-

мъ поклоняюся, Диеву ли, или святых Апостоль...” (*Сборник о почитании икон* 1642: 92-92об).

Иван Грозный: “и ты убо [...] христову бо икону равно аполонуву судил еси, и богородичну икону равно диеву судил еси, и прочих святых” (Марчалис 2008: А116-А117).

Зиновий Отенский: “Что-же будетъ кто, иже не хоцетъ сего познати, яко елицы образы на противление Божие дияволь введе челоуѣкомъ сотворити – или Диевъ кумирь, или Аполлоновъ, или Афродитинъ, или Веельфегоровъ, и иныхъ таковыхъ ...” (Зиновий 1863: 409-410).

Андрей Курбский: “Хто бо от апостоль или от святых образ написанныи Господа Исуса Христа по подобию вочеловечение его, и пречистыя Матери его, и совершенных святых его, идолы нарек? И на почестъ Христу и святым его иконы поставленныя Кроновым и Зевсовым, Афродитовым скверным болваном уподобляя, и церковь Божию болваницею нарѣцаю, и правобѣрных людеи, почитающих образ Господа нашего Исуса Христа и пречистыя Матери его, болванопоклонники назва?” (Курбский 2001: 492).

Артемий: “пыталь быхъ васъ: кѣторы въ христианѣхъ кумирь языческихъ идолъ именуется Ермиевъ или Аполосовъ и прочихъ лжеименитыхъ? А не убо ли Спаса нашего истиннаго Бога образъ Иисуса Христа и прочихъ святыхъ отъ вѣка угождшихъ Богу? Не Диевъ образъ, но Предтечевъ, ни Иры злобѣсныя, но Пречистыя Мариа Богородицы и прочихъ святыхъ...” (*Послания Артемия*: 1250).

Неизвестный автор: “и на иконахъ пишуемъ Ис Хс а не Аполона или Дия, албо Ермию, или иншого ругателя, або звѣрей, или птахъ; и на пречистой Богородицы иконе имя ей святое подписуемъ, а не Артемиду; такоже и всѣхъ святыхъ угодниковъ имена описуемъ...” (Попов 1879: 2).

Того же Иоанна Даманскина слово, о чести же святых иконъ и поклонении (Небеса, глава 41): “Святые образы на иконахъ пишемъ. не доску почитающе, ни шаровное оукрашение, ни злато и сребро и бисерь, или камение честное. но видъ воображения тела Господня. яко почестъ иконная на первообразное восходить и во иконахъ и иконами почитаются, и поклоняется истина” (*Сборник о почитании икон* 1642: 125-125об). “Поклоняемъ же святыхъ иконамъ, и евангелию и кресту, не вещи и вапы и шары и доски и хартию и чернила чтоуеще...” (*Сборник о почитании икон* 1642: 129об-130).

Иван Грозный: “не мни же яко боготворим сия но первообразному почестъ воздающе ниже бо шаровом и тцкамъ поклоняемъся но образомъ написаннемъ Христовомъ и богородичиномъ и всѣмъ святымъ еже убо на первообразное честъ возводяще” (Марчалис 2008: А118-А119).

Артемий: “...понеже въ имя Господне нареченна почитаху и поклоняхуся, не боготворяще вещи, но видимыхъ ради невидимаго почитающе” (*Послания старца Артемия*: 1243); “Не яко злату и древу поклоняхуся, но яко вещи почитаху во славу и хвалу Господню сътворены” (*Послания Артемия*: 1244); “И почестъ сихъ на первообразное приходитъ по Великому Василию” (*Послания Артемия* 1878: 1246).

Неизвестный автор: “обычай бо бѣ въ ветхомъ законѣ почитати божественныя честне и поклонятися, не яко боготворяще вещей, но честию видимую невидимаго Бога почитающе [...] яко великий Василие глаголетъ: честь и поклоняние образа на первообразное восходить” (Попов 1879: 2).

Ермолай-Эразм: “Християня бо не чловѣческому рукотворению поклоняются, ни вешемъ, въ чесомъ образъ утворися, еже злато, или сребро, или древо, или шары, но едина честь воздается, вѣрою мня, яко на самый божественный зракъ взирающе, аки плотию видяще того, се бо еврейскимъ языкомъ Иизраиль нарицается, еже русский протолкуется умъ зряя Бога” (*Книга о Троице*, ср. Попов 1880а: 46-47).

Максим Грек: “разумеи убо яко не злату ни древу ни каменю поклоняхусь но славе божественней являющагося и столпомъ облачномъ бесѣдующаго со боговидцомъ Моисеомъ, такожде и мы поклоняющесъ святымъ образомъ не досцѣ и вапомъ, но писанымъ честнымъ образомъ умно препосылаемъ честь къ первообразному [...] не досце ниже вапомъ поклонение и честь даемъ. поклоняющесъ писане иконе но самому первообразному” (Гольшкенко 1979: 249-250).

Иосиф Волоцкий: “якоже иудеи двѣ скрѣжили отъ каменя и два херувима, иже отъ злата, и ина, яже въ храмѣ почитаху, не естество каменя почитаху, ни злата, ни древа, но Бога вчинившаго сиа: тако и мы поклоняемъ честному Кресту, и Божественнымъ иконамъ, и прочимъ Божественнымъ и освященнымъ вешемъ, иже въ честь и въ славу Божию сътворени, ни злату, ни шаромъ, ниже древесѣмъ и инымъ вешемъ, но Христу и Святымъ Его [...] въспоминающе же первообразное Его, се бо почестъ иконная на первообразное въсходитъ, и въ иконахъ иконами почитается и поклоняется истинна” (Иосиф Волоцкий 1857: 279).

Того же Иоанна Даманскаго слово, о чести же святыхъ иконъ и поклонении (Небеса, глава 41): “понеже иконная почестъ на первообразное восходить. и первообразное святыхъ иконъ свято есть и честно, идольское же первообразное скверно есть и не чисто, и бѣсовское изобрѣтение” (*Сборникъ о почитании икон* 1642: 129об)⁵.

Иван Грозный: “Иже убо идолопоклоняние, и первообразное скверно и сообразное мерско. Христово же подобие, и пречистыя его матери и всѣхъ святыхъ его, и первообразное божественно и сообразное спасению ходатайствено” (Марчалис 2008: А117).

Иосиф Волоцкий: “Божественныхъ бо иконъ и первообразное свато есть и честно, идольское же первообразное сквернѣиша соуть и не чиста и бѣсовская изобрѣтения” (Иосиф Волоцкий 1857: 281).

⁵ Ср. *Житие и жизнь преподобнаго отца нашего и исповедника Феодора игоумена студийскаго*: “ни бо бы и ты повиноувъ ся идолы божественныя иконы нарицати. икона бо яко же есть видѣти сама же достойная чѣсти и ея первообразны и образъ чѣстнѣе. идоловъ же и первообразное сквернѣе и то самое въображаемо мързочее” (Дубровина и др. 1977: 287).

Иван Грозный: “и ты посреди святого и мерскаго не разсудил еси” (Марчалис 2008: А116).

Зиновий Отенский: “Косой, укоряя честныя иконы, прилагая ихъ ко идоломъ, не разлучая чистаго отъ нечистаго, рече...” (Зиновий 1863: 387).

Послание многословное: “такое же иудеомъ. не разлучисте рече сватая от скверныхъ. Тако и они пришелцы ваши не хотяще разлучити святыхъ от нечистыхъ” (Попов 1880б: 70).

Именно такое обращение с источниками наиболее характерно для Ивана Грозного, который в одном только случае прямо называет авторов (“в таже времена пребожественный Златаусть бысть и тои рече: Аз же и восколиянное воображение почитаю. Великий Василей глаголетъ, иже преже сих быв, яко Почестъ образа на первообразное восходитъ”, с. А139). Во всех других местах *Ответа* мы имеем дело с перефразировкой, лишь очень редко сопровождаемой беглым указанием на источник: “аз ти приведу самого моисея” (с. А119), “почти царствия греческаго царства” (с. А122). Об осознанной интертекстуальности, однако, не может быть и речи. В Московской Руси XVI века границы авторского ‘я’ не укрепились еще настолько, чтобы можно было ими играть. Поэтому, как в *Ответе* царя пастору Роките, так и в полемической литературы вообще реминисценции следует объяснить, обращаясь к понятию ‘круг чтения’ в самом широком его понимании: царь и современные ему московские книжники рассуждают и говорят на языке культуры своей эпохи, оперируют оборотами и образами, воспринимаемыми как достояние, принадлежавшее им всем в равной степени (‘коллективная память’, Garzaniti 1998: 91).

Литература

- Баранкова 1998: *Шестоднев Иоанна экзарка Болгарского. Ранняя русская редакция*, издание подготовила Г.С. Баранкова, Москва 1998.
- Вилинский 1906: С.Г. Вилинский, *Послания старца Артемия (XVI века)*, Одесса 1906.
- Гольщенко 1979: В.С. Гольщенко, *Неизданное полемическое сочинение Максима Грека в списке XVII века*, в: *Памятники русского языка. Исследования и публикации*, Москва 1979, с. 239-253.
- Дубровина и др. 1977: *Выголексинский сборник*, изд. подг. В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Гольщенко, под ред. С.И. Коткова, Москва 1977.
- Зиновий 1863: *Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия*, Казань 1863.

- Иосиф Волоцкий 1857: *Просветитель, или обличение ереси жидоствующих. Творение преподобного отца нашего Иосифа, игумена Волоцкаго, Казань 1857.*
- Калугин 1894: Ф. Калугин, *Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические произведения*, СПб. 1894.
- Калугин 1998: В.В. Калугин, *Андрей Курбский и Иван Грозный. Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя*, Москва 1998.
- Курбский 2001: А.М. Курбский, *Ивану многоученому ответ о правой вере*, в: *Библиотека Литературы Древней Руси, XI (XVI век)*, Санкт-Петербург 2001, с. 480-494.
- Марчалис 2008: Н. Марчалис, *Люторъ иже лютъ. Прение о вере царя Ивана Грозного с пастором Рокитой*, Москва 2008 (в печати).
- Попов 1879: А.Н. Попов, *Древнерусские полемические сочинения против протестантов. II. Обличительное списание против учения протестантов (по рукописи Императорской Публичной Библиотеки, 1580 года, западнорусскаго полууставнаго письма)*, “Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских”, 1879, 2, с. 1-57.
- Попов 1880а: А. Попов, *Книга Еразма о святой Троице*, “Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских”, 1880, 4, с. 1-124.
- Попов 1880б: *Послание многословное. Сочинение инока Зиновия, по рукописи XVI века (с приложением двух снимков)*, труд А. Попова, Москва 1880.
- Послания Артемия* 1878: *Послания старца Артемия, XVI века*, в: *Русская Историческая Библиотека*, IV, СПб. 1878, стлб. 1202-1448.
- Сборник о почитании икон* 1642: *Сборник о почитании икон*, Москва 1642.
- Garzaniti 1998: М. Garzaniti, *L'agiografia slavo-ecclesiastica nel contesto della liturgia bizantina. Sacra scrittura e liturgia nella composizione letteraria della vita di Paraskeva*, в: *Contributi italiani al XII Congresso Internazionale degli Slavisti (Cracovia 26 agosto - 3 settembre 1998)*, Napoli 1998, с. 87-129.

Резюме

Николетта Марчалис

О “компилятивности” церковнославянской письменной традиции (проблема чужого текста)

Ответ Ивана Грозного Яну Рокыте, равно как и все творчество царя, давно обратил на себя внимание своей языковой яркостью, традиционно связанной с незаурядностью личности царя. Анализ произведения показывает, однако, что стилистическое варьирование (вплоть до самых грубых нападков) обусловлено языком используемых источников, которыми царь умело оперирует, пересказывая их от себя (за исключением отрывков из Евангелия или Апостолов и богослужебных песнопений, которые воспроизводятся дословно). Интересно при этом, что в *Ответе*, как и во всей доктринально-полемической московской литературе XVI века (прежде всего в анти-иконоборческой: Иосиф Волоцкий, Максим Грек, Арсений, Зиновий Отенский и т.д.), при полном совпадении аргументации, никогда не приводятся отрывки из чужих текстов (исключение составляет текст Максима Грека, якобы воспроизводящий главу *Просветителя*, но авторство Максима отнюдь не доказано). И так, компилятивность, характерная для церковнославянской письменной традиции, является чуждой полемическому жанру. Использование чужого текста по-разному регламентируется на разных участках литературного пространства, и обращение с чужим текстом может, наряду с языковым регистром, выступать как один из параметров, по которым определяется литературный “жанр”.